

Кристина ЮРАШ

16+

АУЧИЙ

ЛУЧАЙ

Кристина Юрьевна Юраш

Паучий Случай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67831403

SelfPub; 2022

Аннотация

– Мне нужна няня для наследника престола! Именно так началось наше знакомство с шикарным красавцем – брюнетом, от которого розовые сопли ниже колен . О, если бы я знала, кого мне предстоит нянчить, то сбежала бы сразу! Но куда сбежишь? Я из другого мира. Предыдущие няни сбежали, а мне уже выносят.... Ой! Мамочки! Это что? Это.... Так! Где здесь дверь! Эй, стража! Полегче!

Содержание

Глава первая. Няня с О.Р.А.Л. и А.Н.А.Л.	4
Глава вторая. Собеседование	14
Глава третья. Ты щито такое?	23
Глава четвертая. Сказки с овсяной смазкой	35
Глава пятая. Сказки для папы	49
Глава шестая. Мамонт	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Кристина Юраш Паучий Случай

Глава первая. Няня с О.Р.А.Л. и А.Н.А.Л.

– Вы няня? – послышался бархатистый и рокочущий голос в трубке. Таким голосом мужчины мечты признаются в любви в самых сладких грезах. Таким голосом и с такими интонациями предлагают выйти замуж. Хотя, возможно, три месяца вынужденного одиночества делают женщину сентиментальной.

– Ага, – угукнула я, запихивая в рот остатки бутерброда. Начало положено, как макаронная каша в тарелку.

– Улица Седых, дом один, – коротко произнес мужчина. – Жду через полчаса.

Трубку бросили, оставив меня в недоумении. Воображение зачеркнуло принца, нарисовав обычного хама. Ни «здравствуйте», ни «до свидания»!

Худеющий кошелек настаивал: «Слтай мухой! Вдруг что-то дельное?». Холодильник, недавно севший на строгую диету из яйца и майонеза, был полностью солидарен: «Не, ну а че?». И замечтался о больших шуршащих пакетах из бли-

жайшего магазина. «Куда? Куда?», – закудахтала мобильная карта. А потом смилостивилась и предложила самый короткий маршрут через северный полюс.

Мне срочно нужна норковая шуба, санки и ездовая лайка, которая знает дорогу. Лайка должна уметь читать карту.

Я стала метаться по квартире, сгребая все вещи в кучку. Нужно произвести впечатление воспитанной и интеллигентной женщины! Леди совершенство, леди идеал. Я должна выглядеть так, словно нанимаюсь на работу английскому лорду!

Из «скромного и презентабельного» были только траурные трусы и черное платье. Молния на черном платье намекала на то, что кто-то слишком много ест. Черные трусы намекали на то, что кто-то мало ест. Пока они спорили, я искала зонт и очки.

– Выпустите нас! – кричала грудь хором, когда я пыталась сделать вдох. Я натягивала колготки, как жизнь натягивала меня.

Из шкафа прямо на голову упала коробка с туфлями. Ноги категорически решили отпасть сразу и заранее. Неудобный подъем, шаткий каблук. Они натирали везде. И, кажется, даже в подмышках. Но женщины склонны прощать такие мелочи за красивый бантик и модную надпись на коробке.

Я вышла из квартиры и от души захлопнула входную дверь. Я – леди совершенство, я – идеал, я ... я ... Я, кажется, я что-то забыла...

– Мы дома! – тихо намекали ключи.

Я в отчаянии рылась в сумочке. Очки полетели на пол, разбиваясь вдребезги. «Я не мыслю жизни без вас!», – заорала пудреница, разлетаясь по лестничной площадке.

Если кто-то из ученых однажды разгадает секрет женской сумки, ему сразу должны дать все премии мира. Его имя должны увековечить во всех учебниках. Его портрет должны повесить в каждом классе. И в каждом городе называть улицу его именем. Газеты должны пестрить заголовками: «Научное открытие века!». А потом назначить ему пожизненную пенсию за моральную травму.

Чего только не было в моей сумке!

Салфетки, штопор, чеки, пустой флакон из-под духов, помада, которой я ни разу не красилась, зеркальце, две расчески. Почему две? Потому что так больше шансов найти хотя бы одну из них.

Окаменевшая жвачка в бумажке попалась мне сразу. Каждый раз, когда я нахожу ее, я честно обещаю выбросить. Скоро будет два года, как я выполняю свои обещания.

На дне среди шелухи семечек и стога какой-то травы, которой коровам хватит, чтобы перезимовать, лежали записочки с номерами телефонов очень важных людей. Настолько важных, что я забыла, чьи они. «Маша Кал.» – прочитала я древний манускрипт. «Женя Сер.», – попалась еще одна бумажка с номером. Кто эти таинственные люди? Что они делают у меня в сумке?

Если завтра утром меня возьмут в плен, и скажут, что расстреляют, если я не вспомню, то шансов выжить у меня нет.

Оставались самые глубинные пласты истории. Рука уже проникла под подкладку в махровую дырку. Археологи со всего мира затаили дыхание. Научное открытие не состоялось, потому что времени было катастрофически мало.

Я сбежала по ступенькам с грацией беременного бегемота. Зато теперь все соседи знают, что у меня новые туфли.

Между первым и вторым этажом мы поменялись с почтовым ящиком. Я оставила ему два своих ногтя. А он выдал мне, скрипя дверкой, свежую газету с моим объявлением. Ему показалось мало, поэтому он дал мне сдачи, внезапно открывшись снова. Теперь мы с ним квиты.

Я понеслась трусцой по двору, здороваясь со всеми, не глядя. Няни должны быть вежливыми. Особенно, если в их руках огромный черный зонт.

Дождик мерзко накрапывал. Асфальт темнел под семенящими в сторону остановки ногами. Я эффектно раскрыла свой зонт. Впервые за пять лет я взяла его не зря. Меня начинают пугать такие совпадения!

Резкий порыв ветра поднял мою юбку и вывернул зонт наизнанку. Меня несло по проспекту в сторону помойки. Я бороздила каблуками мокрый асфальт. Еще немного и придется просить воздушный коридор.

Мой зонт, вырванный ветром, пролетел над деревьями. Я с досадой вспоминала, сколько он стоил. Если его будет сби-

вать ПВО, то пусть сбивает аккуратно.

На остановке собралась целая толпа. У всех были такие выражения лиц, словно они только что спрятали труп. И останавливаться на одном трупе не собираются. Меня пугала суровая воинственная бабка с телегой в намокшем мышинном пальто и пестром платке. Что-то мне подсказывало, что инициатором убийства была она. И пока она рядом никто ни в чем не признается. Колготки требовали, чтобы я держалась от нее подальше.

– Сколько до Седых? – задыхаясь, выкрикнула я в лицо таксисту. Он не ожидал такой прыти и такого напора. Мужик просто остановился на светофоре. Позади меня чуть не случилась авария. Мне до сих пор орали: «Куда прешь, дура!». И обещали покатасть на крышах.

– Если будете так бросаться под колеса, то до Седых вам недолго, – задумчиво ответил таксист. Он умудрялся пить кофе, курить в окно и разговаривать по телефону.

Я шуршала кошельком, доставая записку. Кошелек орал: «Может, не надо?». Но я была настроена решительно.

Стоило мне протянуть мятую купюру, как меня тут же выпустили в обитель шансона и даже угостили кофе. Прямо на платье. Я поехала, как королева, высокомерно провожая взглядом остановку.

Газета в моих руках прощуршала новостями. Я открыла ее на последней странице с объявлениями. «Няня. Б.У. О.Р.А.Л. и А.Н.А.Л. Звоните в любое время!». Надо мной

кто-то чинил крыши. Подо мной кто-то рыл ямы. «Ня-ня. Безопасные услуги. Опыт Работы. Английская Лингвистика. Аккуратная. Неприязательная. Активная. Ласковая. Звонить в любое время!» – звучало объявление, за которое я заплатила целых пятьсот рублей в редакцию.

За такие сокращения мне хотелось сократить численность редакции.

У меня и так очень поэтическое имя. Фиолетовое Варенье Мимосралович. Иногда я бываю Малосралович. Иногда Многосралович. Для родителей и по паспорту я Виолетта Валерьевна Милославович. Но очаровательные детишки с красивыми глазками бывают беспощадны и неумолимы.

– Дальше я не поеду, – обозначил таксист. Я выглянула в окно. Да, здесь меня точно ждут. «Городское кладбище» – значилось на мрачных воротах.

– А это точно улица Седых? – осторожно поинтересовалась я.

– Она там, за кладбищем. Там один дом стоит, – лениво отозвался таксист, обдавая меня брызгами грязи. Он всем своим задним ходом намекал, что серая крапинка нынче в моде!

Я всегда была уверена, что на кладбище, пока никого нет, сатанисты дерутся с восставшими из могил покойниками за случайного прохожего. Одни орут, что им жрать нечего. А другие вопят, что темное божество просто так не воскреснет.

Опасливо идя по тенистой аллее я не знала, за что хва-

таться. Или за сумочку. Или за женскую честь. Я точно не знала, что отнимут в первую очередь.

– Фу! – дернулась я, попав в липкую паутину. По моему лицу пробежал паук. Я завизжала так, что кровь в жилах застыла даже у махровых сатанистов и зомби.

Я плохо помню, как добежала до калитки, срывая с себя паутину. Дальше была сплошная пахота. Осторожно скользя по грязи, я задумалась. Если раньше я мечтала разбогатеть и купить машину. То сейчас я подумываю о тракторе.

Под ногами неприлично чавкало. Хищные ветки кустов охотились за моими колготками.

– Пошли вон! – отбивалась я сумочкой. Особо наглая ветка забила мне стрелку. Репейник намертво вцепился в колготки. Я беспощадно выдирала его. Битва закончилась дыркой.

Осмотревшись по сторонам, я зашла в кусты и сняла колготки. Черный комочек колготок полетел в сумку. Где-то дома его ждет – не дождется лук.

Путь продолжался. Сначала у меня были носочки из грязи. Через двести метров гольфы из грязи. Еще через двести метров, я могла смело похвастаться грязевыми чулками. А вы говорили, что в селе нет эротики.

На горизонте показался одинокий старый дом, обнесенный монументальным забором. Дом выглядел как общежитие для маньяков. Причем, самым кровожадный из них, после голосования становился вахтером.

«Поппинс» тревожно сжался, когда я добрела до ржавых ворот.

Вместо интеллигентной барышни зеркальце отражалось нечто выползшее из могилы. Если я обратно пойду через кладбище, то нужно бояться сторожа и его лопаты.

– Вы опоздали.

Послышался тот самый голос за моей спиной. Мне было страшно оглядываться. Спинной мозг уже предчувствовал разочарование.

В последний раз я так влюбилась в бархатистое и слегка рокочущее «Передайте за проезд!». Чтобы разлюбить на следующей остановке, когда мне бесцеремонно отдавили ногу.

– Я с кем разговариваю? – послышался голос.

Приготовив на всякий случай все свое разочарование, я обернулась и обалдела. Надо мной возвышался темноволосый мужчина. Красоту таких мужчин проще всего передать не словами, а прилипшими к потолку женскими трусами. Я была уверена, что мои придется отдирать шпателем вместе с плиткой.

– Здравствуйте, – улыбнулась я.

Мне казалось, что он сбежал с какого-то подиума, срывая с себя целлофан и бантики. И тут моя улыбка померкла. В его руках появилась свернутая газета.

– Мне нужна няня для активного ребенка, – начал незнакомец тем самым бархатистым голосом, от которого женская самооценка начинает мурчать, как кошка.

– Простите, но там сокращение, – начала оправдываться я. – Надеюсь, что не думаете, что...

– Не перебивай, – произнес незнакомец. Моя самооценка вздохнула, осматривая красавца, и поняла, что мы перебежались. – Я еще не закончил. Мне нужна няня для очень активного ребенка. Но есть правила, которые вы обязаны выполнять. О них позже. Первое правило вы уже не выполнили. Вы опоздали на десять минут.

Внезапно он смиростивился, протягивая мне руку.

– Пройдемте. Если вам тяжело, я могу понести вашу сумочку, – произнес незнакомец.

Я осторожно передумала ему отдавать сумку, идя в сторону мрачноватого дома. Позади меня слышались шаги, от которых сердце почему-то замирало. Старая дверь ворчливо скрипнула, пока я вежливо вытирала ноги об несуществующий коврик.

– Сюда, – произнес красавец-незнакомец. «Маньяк!», – почему-то пронеслось в голове. «Ага!», – обрадовалась самооценка. Таким маньякам нужно сидеть исключительно в темных кустах, прячась от одиноких женщин с кризисом в личной жизни. Если он маньяк, то ему достаточно просто выйти в темном парке. Жертвы не просто набегут сами. Но еще и подерутся.

Неожиданно меня резко схватили за руку. У меня по коже пробежали щекотливые мурашки. Я смотрела на свое тонкое и хрупкое запястье, в огромной чужой руке. Какой-то

странный, неподдающийся никакой логике, животный и первобытный ужас заставил меня дернуться.

Незнакомец спокойно возвышался надо мной, сжимая мое запястье, пока я пыталась вырваться.

– Помогите! – закричала я, скорее ради приличия. Вот что делает с женщинами долгое отсутствие мужского внимания.

– Помогаю, – произнес тот самый бархатистый голос, пока я пыталась разжать его пальцы.

– Убивают! – пронзительно взвизгнула я, огрев его сумкой. Вокруг нас появился вихрь из какой-то паутины. Серебристые нити окутывали нас. Я даже замерла, не веря своим глазам.

– Ваше Величество, – послышался голос позади меня, а пальцы-тиски разжались. – Я вы уже вернулись? Так быстро?

Глава вторая. Собеседование

Я стояла в самом центре огромного зала. Или мне так казалось. Я еще не поняла. Возможно, именно сейчас я лежу без сознания на грязном полу старого дома. И невольно участвую в грязном деле.

Вспомнив очаровательное лицо незнакомца, мне стало вдвойне обидно. В этот ответственный момент у стула больше шансов получить оргазм, чем у меня. Придется идти в полицию, чтобы они выяснили все подробности. «Поймайте мне его!», – жалобно просит одинокая женщина, со слезами на глазах перечитывая интригуящий протокол. «Замените все на домашний арест!», – умоляет та самая очень одинокая женщина. А сама вспоминает, какая из батарей в ее квартире самая прочная и где взять хорошие наручники. «Обещаю, он больше не будет маньячить!». И после скромной улыбки добавляет. «Теперь маньячить буду я!».

Зал напоминал оперу, картинную галерею и королевский дворец одновременно. От картинной галереи были огромные портреты в роскошных золотых рамах. От королевского дворца – трон с лежащей на ней короной. Оперу я обеспечивала самостоятельно, продолжая оглушительно орать на повышенных тонах: «Ааааа!».

Единственным оружием женщины в большинстве своем является громкий и пронзительный крик. От крика, звеня-

щего в стеклах и ушах слабонервные маньяки должны броситься с покаянием на колени. А самые слабонервные – сбегать за шоколадкой и проводить домой. По дороге они должны рвать все попадающиеся цветы и рассказывать бородатые анекдоты.

Я опомнилась. Опера тут же прекратилась и наступила тишина. Вместо заслуженных аплодисментов слышались гроыхающие шаги.

– Досмотреть! Я не хочу, чтобы наследнику что-то угрожало, – слышался четкий приказ.

Мою сумку грубым рывком все-таки вырвали у меня из рук.

Сейчас меня оштрафуют за превышение скорости моргания. Дворец не исчезал. Все оставалось на своих местах. И меня это удивляло.

Моя сумка упала под ноги крепким мужикам в черных доспехах. На их доспехах был изображен серебристый паук. Вид у них был доброжелательный. Настолько, что хамовитая охрана гипермаркетов и вышибалы в солидных заведениях записывалась к ним на курсы по «доброжелательности».

Я растеряно смотрела на все происходящее. Маньяк стоял передо мной на ступенях, ведущих к трону. Огромные, грубые мужские руки вытряхивали содержимое моей сумки на пол.

– Мы нашли оружие! Ты пыталась убить наследника? – ткнули мне под нос мои грязные и дырявые колготки.

Сейчас они могут убить только запахом. И ценником.

– Это – не мои! Мне их подбросили! – на всякий случай заявила я, отшатнувшись от улики. И тут же добавила. – Это даже не мой размер! Можете проверить. У меня четверочка. А тут троечка!

Почему-то именно в этот момент мне очень хотелось, чтобы каждый мужчина разбирался в размерах женских колготок.

Огромная ручища мордоворота проникала в недра моей сумки, делая все новые и новые открытия. Даже для меня.

– Что это? – ткнули мне в лицо картонной пилкой для ногтей.

Я ее три месяца искала! Все перерыла! Все, представляете? И в столе смотрела, и даже в ванной прибралась! Пришлось купить новую. Лишь изредка на меня накатывала ностальгия по старой пилке. Я грустно опускала глаза, вспоминая ее стертый край.

– Подозреваю, что на случай, если ее бросят в тюрьму. Чтобы она перепилила решетку и смогла сбежать! – сообщил один из черных «археологов».

– Да она даже ноготь спилить не могла! – отрицала я свой возможный план побега.

– Молчать! – рявкнули на меня. Я надеялась удачно моргнуть, чтобы очнуться у себя дома. Но пока не получалось.

На меня уже смотрели как на потенциальную преступницу. От которой можно ожидать всего, чего угодно! Найден-

ные улики свидетельствовали против меня.

В любой женской сумочке есть все, чтобы ограбить банк, выбраться из тюрьмы, задержать преступника и спасти мир. Кажется, что если порыться в ней с особой тщательностью, можно найти пиратскую карту сокровищ, улики убийства Кеннеди и даже месячный календарь майя.

Если бы в большинстве фильмов главный герой отправлялся на задания с сумкой своей жены, то он бы никогда не искал проволоку, чтобы обезвредить бомбу, шпильку, чтобы открыть замок, шифр от сейфа главгада.

На пол упали маникюрные ножнички, старые часы, две сломанные заколки, проездной, резинка для волос. Следом полетела помада. Новая по меркам динозавров.

Потертая конфета со звоном упала на пол. Я вспомнила ее. И удивилась, как она не оставила вмятину в полу. Две каменные подушечки жвачки, четыре каштанчика, одно перышко и одна из расчесок последовали за ней.

– Все! – отрапортовал рыцарь, пытаясь вывернуть сумку наизнанку.

Наивность мужчин всегда поражала женщин.

– Кто это? – еще один подозрительный рыцарь ткнул мне в лицо бумажкой. Он положил руку на рукоять меча, намекая, что с чувством юмора у него проблемы с детства. Оно как бы есть, но хромает.

В руках рыцарей была стопка бумажек и визиток.

– Слава Рем, Даша Кур, Ника Маг, – зачитывал каждую

бумажку суровый рыцарь без страха, упрека и чувства юмора.

Я обреченно смотрела на яркие листики и собственный почерк.

– Это что написано? Если ты сейчас не скажешь, я имею право казнить тебя на месте! – тыкали мне в лицо какой-то бумажкой. – Похоже на заклинания!

Я видела свой почерк. Пока что у меня было два варианта. Список покупок или перечень лекарств. Но вариантов могло быть больше.

– Это... стихи! – выдала я. Ложь неумолимо приближала меня к Пушкину. Либо великому. Либо мертвому.

– Две таблетки диа-зо-ли-на. Одна таблетка су-пра-сти-на, запить водой и закапать в нос, – прочитал стражник.

– Я пока только подала заявку на дружбу с рифмой, – оправдывалась я.

– Достаточно, – послышался тот самый бархатистый голос.

Один из стражников щурился возле узкого окна и искал тайные письма. Всем своим видом он подозревал страшный заговор. На его лице читалось, что он уже близок к разгадке. Но на моей подлой супертонкой прокладке с крылышками пароли и явки так и не проступали.

– А теперь можешь приблизиться к трону. Разрешаю, – произнес красавец – маньяк.

Он уселся на трон и надел на голову корону. На короне

сверкнул золотой паук в золотой паутине. «Здесь нужен не газовый балончик, а дихлофос!», – пронеслась в голове запоздалая мысль.

– Это розыгрыш, да? – с надеждой спросила я. – Куда нужно помахать? Где камера?

– В подземелье, – коротко произнес красавец.

Он был очень щедр на подарки. Пока что он дарил мне недовольные взгляды и презрительно сжатые губы.

Внезапно резким движением маньяк что-то бросил в меня. От страха я дернулась. В колонну впился нож. В камень. По самую рукоять.

Впечатлений мне уже хватит на три визита к психологу. Четвертый я не потяну финансово. Профессиональная жилетка – нынче дорогое удовольствие.

– Хорошая реакция, – меня, видимо, похвалили. – Значит, с ребенком справишься.

– Реакция хорошая. Сердце слабое, – согласилась я, не веря своим глазам. Нож в камне. Еще раз! Нож в камне! Это как вообще?

– Правила я тебе скажу позже. Сейчас у меня нет на тебя времени. Если кратко, то я допускаю три незначительные провинности. Четвертая будет стоить тебе жизни, – надменно произнес красавец.

Меня обыскали. Так тщательно меня не осматривал даже жадный до липовых диагнозов доктор. Мне очень хотелось рассказать про хронические болячки, пожаловаться на ча-

стые головные боли и хруст в левом колене. Но я воздержалась. Паспорт намекал мне, что пора вить гнездышко. А заключения доктора, что пора рыть ямку.

– А почему я? – поинтересовалась я, опасливо глядя на стражу.

– Мне нужна была женщина из другого мира. Далекая от политики. Не имеющая отношения к мятежникам. И не подосланная убийца. Ты полностью подходишь под эти критерии, – сообщил красавец-маньяк. – Я не хочу рисковать единственным наследником престола.

Красавец подозвал стражу. Стража взяла меня в плотное и потное кольцо. Из моих вещей мне разрешили взять только газетку. Остальное посчитали потенциально опасным. Преступным. Особенно кредитную карточку.

– Отведите ее к моему сыну. Смотрите, чтобы не сбежала, – приказал голос красавца.

Так я поняла, что не все красавцы одинаково полезны для женского здоровья.

Я шла по коридорам мрачноватого дворца. В последний раз я так ходила вместе с экскурсией. Только на экскурсии я зевала. А сейчас у меня был просто открытый рот. На случай, если удастся позвать на помощь.

Роскошные двери открылись. Я вошла в черную комнату с непривычно узковатым окном. В комнате не было никакой мебели, кроме бледной старухи. Она прикинулась стулом в тот момент, когда за мной с грохотом закрылась дверь.

В центре комнаты стояла колыбель, на которую падал луч света. Ни шкафов, ни стульев, ни картин, ни розеток. Ничего не было. Даже ковров. Вместо них был каменный пол.

Какой предусмотрительный отец. Видимо, уже опытный.

Я опасливо подошла к колыбели. Под тонкой вуалью паутины дремал очаровательный младенец и трогательно сосал палец. Пол младенца я пока не могла установить. Но по уверению отца это был мальчик.

Внезапно в меня вцепилось что-то очень нервное. Я едва не повторила на бис свою сольную партию жертвы маньяка. Костлявые трясущиеся руки крепко держали меня за грудки. На меня смотрели бледные глаза старухи.

– Беги! Беги отсюда! – трясла она меня над колыбелью. – Беги, чем дальше, тем лучше! Спасайся!

Он вскочила на ноги и тут же с криком выбежала из комнаты. В окно.

Я посмотрела в колыбель, но ребенка там не оказалось! Где он? Сердце оборвалось. Мне срочно потребовался кардиолог с навыками реаниматолога.

Зато по полу резво бежал черный пушистый паук. Он был некрупный. По меркам фильма ужасов. Но огромным. По меркам моей нервной системы. Примерно с кошку. С хорошо откормленную пушистую кошку.

– Отдай сюда ребенка! – опомнилась я, воинственно размахивая газетой.

Лучшие рыцари сбежались бы на мои уроки фехтования.

А какой-нибудь мастер меча тут же посвятил меня в рыцари.

– Где ребенок? – орала я, решив напугать паука плохими новостями, свернутыми в трубочку. – Ты сожрал его?

Мне кажется, что нет в мире такой краски для волос, способной закрасить мою седину! Я только отвернулась, а паук унес младенца!

– Иди сюда, с-с-скотина! – в отчаянии орала я, загоняя паука на стену. – Верни ребенка!!! Быстро, я кому сказала!

Паук уже был под потолком, как вдруг дверь открылась. На пороге стоял несчастный отец. Я спрятала за спиной колыбельку, понимая, что меня уже ничто не спасет. Мой личный рекорд работы няней – две минуты.

Глава третья. Ты щито такое?

Холодные глаза красавца-отца заставили меня многое осознать. Мне срочно нужен ребенок на пять минут. Верну в целости и сохранности. Готова родить сама. Но только быстро.

– Я освободился, – спокойно произнес отец, пока я прикрывала собой драматично опустевшую колыбель.

В прошлый раз я тоже вздрогнула при фразе «Я освободился!». Ее произнес прокуренный мужской голос за дверью. «Кто там, Фиолетовое Варенье?», – восторженно воскликнула пятилетняя Анечка. «Папа из тюрьмы вышел!», – произнес все тот же прокуренный голос. «Ура! По амнистии! Папа выпустили! Папа у меня убийца – рецидивист!», – радовалась Анечка, пока я дрожащим голосом звонила счастливой обладательнице «наколок с проблесками мужика». «С ребенком теперь будет сидеть папа!», – соваля мне денежку. Через три месяца позвонили: «Папа снова сел! Приезжайте!». Я снова учила Анечку алфавиту и стихам про бегемота. Анечка с ангельским видом «чифирила» с куклами, рассказывала им про понятия и назначала «смотрящую» за коробкой. Где-то на кухне истошно орала кошка Урка.

– С дороги, – послышался строгий голос отца.

Я не хотела отходить от колыбели. Мое воображение отказывалось представлять, что будет, когда отец не досчита-

ется наследника. Это было где-то на грани эротики и некрофилии.

Меня бесцеремонно сдвинули в сторону, пройдя к колыбели.

«Мамочки, что сейчас будет!», – съежилась я в предвкушении ужаса. Мои глаза присматривали плинтус, куда можно прошмыгнуть тараканчиком.

Послышался детский плач, а я удивленно открыла глаза. Над колыбелью стоял отец. В колыбели лежал ребенок. Он плакал и тянул руки к отцу. Но отец смотрел на него и молчал. Я моргала так, словно флиртую с целой армией.

– Правило первое, – отчеканил отец, заложив руки за спину. – Ребенок не должен плакать. Все понятно?

– Да! – сглотнула я, робко заглядывая в кроватку.

Вот он, розовый карапуз, лежащий на шелковой простынке. Он пускает слюнку и надувает слюнявые пузыри. Он устроил конкурс на то, как глубоко проникает кулачок в рот. Пока что успехи средние. Но характер чувствуется.

Мой взгляд трусливо пробежал по комнате. По спине отголоском пробежали мурашки. Где-то в темном углу затаился тот самый огромный и страшный паук – каннибал. «Он тебя не съест! Ты просто в него не поместишься!», – успокаивала биология. «А съеденные нервы не считаются каннибализмом?», – возразила я. Биология задумалась и ушла обратно в учебник.

– Правило второе. Никаких телесных наказаний. И вооб-

ще никаких наказаний. Ты не имеешь на это право. Узнаю, что ты ударила его – отрублю руку, которой ты это сделала. Это ясно? – послышался голос. Я закивала.

– Правило третье. С ребенком обращаться исключительно на вы. Форма обращения: «Ваше высочество!». Никаких фамильярностей! Это будущий король, – произнес отец, отворачившись от малыша.

– Это здорово! – закивала я. «Покажи свой профессионализм! Наладь контакт с родителями!», – настаивали недавно пройденные курсы.

– Он так похож на вас, – елеинно сообщила я, даря улыбку красавцу, чьи темные волосы скользнули по плечам и прикрыли лицо.

– Лысый, сморщенный и орущий? – меня порезали острым взглядом. – Я пришел не переливать из пустого в порожнее. Правило четвертое.

И он умолк. Так, а где продолжение? Любопытство и инстинкт самосохранения хором требуют продолжения.

– Правило четвертое? – спросила я, глядя в зеленые красивые и злые глаза.

– Вы должны успевать думать, пока я говорю. Правило четвертое. Есть слово, которое ребенок не должен слышать. Это запрещенное слово, – начал красавец, пока малыш солидарно икал.

– Поверьте, я не ругаюсь при детях! – гордо ответила я.

– Слово «мама», «матушка», «мать» запрещены, – про-

изнес красавец, медленно поворачивая голову в мою сторону. – Если я услышу от него слово «мама», я приму меры.

– А где его мама? – спросила я, удивляясь все больше и больше.

– Не твое дело, – произнес отец, склонившись над колыбелью. Я заметила, с какой отрешенной брезгливостью он смотрит на ребенка. Пустая комната и отсутствие игрушек начинали меня смущать.

– Правило пятое. Никаких игрушек. Он – будущий король. Ему не нужны игрушки, – произнес отец. Луч света падал на колыбель, освещая паутинку.

– И последнее. Для тебя. Если с ребенком что-то случится, – внезапно произнес отец, делая шаг в мою сторону. Я застыла, стараясь смотреть со всем пониманием, которое у меня было.

– Если ты не сможешь его уберечь, – отец сделал еще один шаг в мою сторону. Понимание заканчивалось. Я спрашивала у нервной системы, когда будет подвоз. Она не знает.

– Если мальчик погибнет, – на меня смотрели очень многообещающе. Бледная рука легла на мою щеку.

Я, пожалуй, вычеркну это из моих романтических грез. Я внесла это по ошибке!

Вокруг не было ничего, кроме зеленых глаз. Просто глаза, которые смотрят на меня из темноты. Я пыталась поднять руку и осторожно напомнить, что в газете про «О.Р.А.Л» была ошибка. Но моя рука не могла пошевелиться. Что-то ме-

шало ей.

В сознании все странно подплывало, пока я смотрела в зеленые огоньки глаз. Я забыла о ребенке, о правилах, обо всем, чувствуя, словно меня вертят вокруг своей оси в крошечной темноте. Словно заворачивая во что-то липкое.

– Если с ребенком что-то случится, – слышался шепот, от которого я чуть не организовала новый туалет. – Ты родишь мне нового.

Все дернулось перед глазами. Я очнулась, слыша, как с грохотом закрывается дверь. Что это было?

Мне показалось, что внутри меня сжался тот самый орган, которым я отвечаю за наследника. По всей комнате летала тонкая, липкая паутина.

– Фу! – передернуло меня, а я сползла по стенке и села на пол.

– Ам! – произнес детский голосок, а мне на грудь упал тот самый паук, размером с кошку. Колыбель была перевернута, а на меня смотрели восемь горящих паучьих глаз.

Видимо, это было первое слово, которое сказал наследник. Меня смущало лишь то, что звонкое «Ам!» адресовалось мне.

Я до конца не знала, чем кормили наследника кроме нервных клеток очередной няни. Про это отец беспечно не рассказывал. Возможно, об этом не рассказывают няням из-за огромного расхода тех самых нянь.

– Ипучий случай! – выдохнула я. И было в этом воскли-

цании столько эмоции, что нервная система решила перезагрузиться в аварийном режиме.

Я брыкнулась в обморок. Там, в глубоком обмороке было хорошо, уютно. Мне показалось, что я выпалась за всю трудовую книжку.

Когда я разлепила глаза, паука уже не было. Я опасно осмотрелась по сторонам. Кому я подарила девственность нервной системы? Где это лохматое чудовище?

Только я расслабилась, как мне на голову что-то мягко приземлилось, нежно обнимая пушистыми лапами.

– Ам! – послышалось сверху.

Видимо, няни до этого не помещались в его рацион. Но очень хотелось.

Волосатая лапа свесилась, путаясь в моих почти седых волосах. Если дело так пойдет и дальше, то по моему пронзительному крику в замке будут сверять время кормления. Другого средства борьбы с пауками, мышами и тараканами я еще не освоила. Может, оно и не столь эффективно, как другие. Но пусть им будет стыдно!

При виде второй лапы, ерзающей по моему лицу, я затряслась, как лысый цуцик в преддверии первых заморозков. И решила залечь в зимнюю спячку раньше положенного срока.

Когда мои глаза снова открылись, я первым делом проверила голову рукой. В комнате было тихо и страшно. Настолько тихо, что если прислушаться, можно услышать, как визжат мои вставшие дыбом седые волосы. Пустая разворошен-

ная колыбель валялась на полу.

Дверь в коридор была заманчиво приоткрыта. А из нее полоской света виднелся мой конец. Наследник сбежал!

Вскочив на ноги, я бросилась к двери и высунулась в коридор. В коридоре было тихо и пусто. На стенах подрагивали тусклые синие огни странных свечей. Я не обнаружила признаков жизни. Признаки жизни не обнаружили меня.

– Паукан! – негромко позвала я, пробегая глазами обозримый коридор. – Паукадла? Ты где?

Может, стоило по титулу?

– Ваше паучество? – робко повторила я свой призыв. Таким голосом хорошо собирать армию: «Пс-с-с! Пойдем, сходим на врагов!». Раньше я была очень строгой и бескомпромиссной няней. И гавкала «Мой руки!» так, что приучала к гигиене даже соседей через стенку. Одна соседка очаровательного Кирюши однажды призналась мне, что за год моей работы набрала двадцать килограмм. Всему виной «Иди, ешь!». Мне даже было немного стыдно.

– Ваше паучество! – чуть громче позвала я, поглядывая на потолок.

Мамы часто жаловались, что дети бегают по потолку и садятся на голову. В моем случае это не жалоба, а констатация факта.

В ответ была тишина. Страшно не тогда, когда ребенок носится и крушит все на своем пути. Страшно не тогда, когда он визжит дурным голосом и пытается проломить или диван,

или голову. Страшно тогда, когда он затаился.

Вот тогда пробирает холодок похлеще фильмов ужасов. Слава Фредди Крюггера меркнет в свете невинных детских глаз, перепачканных ладошек и обоев за тыщу рублей метр. Куда уж там маньяку с бензопилой против милой улыбки и снежинок из тысячных купюр! И уж тем более убийцам против молотка, юного программиста и ноутбука в мелкое какаду! Скрипнув дверью, я вышла в коридор. Где-то здесь меня поджидали большие неприятности. Я надеялась прошмыгнуть мимо них, пока они меня не заметили.

Признаваться в том, что я только что «прооорала» наследника, было стыдно, неловко и даже немного смертельно опасно.

Мои трусливые шаги отдавались шелестом в длинной кишке коридора, которая неожиданно поворачивала направо. Я распахнула огромную черную дверь.

– Ты здесь? – спросила я, боясь заходить в роскошную комнату. – Выходи!

Комната застряла где-то между «я столько не заработаю!» и «нам так не жить!». Она сверкала дорогими подсвечниками, успокаивала мягким бархатом и эротичными изгибами мебели. Мне казалось, что у мебельщика были явные проблемы. Он пытался вырезать себе идеальную женщину. А все неудачные попытки лакировал, оббивал и продавал очень дорого.

Мне стало немного неловко. Я не знала что лучше для воз-

можных, ничего не подозревающих обитателей комнаты. Либо крикнуть не своим голосом: «Ваше высочество!» или прошептать что-то вроде: «Паукан... Иди с-с-сюда!».

Нервные клетки на меня обиделись. Они посчитали, что я их предала. Поэтому кончали жизнь самоубийством одна за другой.

– Думай про места, которые нравятся паукам, – прошептала я сама себе. – Что нравится паукам?

Мои тапки, угол туалета и стена возле моей кровати. Всего вышеперечисленного здесь не было. Поэтому я решила искать по старинке в темных уголках.

Комната оказалась больше, чем я думала. И дороже. понадобилось бы сто моих почек, чтобы позволить себе такое убранство.

– Ам! – на меня упала черная тень. Пока я выживала, как умела, дверь по-хозяйски открылась.

Я резко обернулась, прижав к себе паукана. На пороге стоял тот самый красавец со взором печальным и презренным. Если я однажды возьму и доживу до двадцать третьего февраля, то поздравлю начальство одеколоном «Дихлофос». И ему приятно, и мне спокойней.

– Вы что здесь делаете? – спросили у меня странным тоном. В этот момент мне показалось, что лучше отвечать на эти вопросы набегу.

– Э... – протянула я, поглаживая наследника, как котенка. – Мы пришли похвастаться! Мы выучили первое слово!

Да!

Я, конечно, не ожидала щенячьих слез умиления. Обычно этим грешат мамы и прочие родственники в юбках. Отцы же в этот момент почему-то сурово шмыгают и заявляют, что в этом возрасте уже читали по латыни, складывали логарифмы и разбили первую машину.

– Ну, скажите папе первое слово, – я подняла паука на дрожащих руках, как маленького Симбу. – Не стесняйтесь, ва-а-аше высочество!

Пауканчик помолчал. Видимо, няню ему обещали на ужин. Если няня будет себя плохо вести. Поэтому он приближал этот момент со скоростью второй минуты тишины.

– Не стесняйтесь, – повторила я, искренне надеясь, что «Ам!» произведет фурор, как новое платье кинодивы на ковровой дорожке.

Молчание продолжилось. Где-то в тишине было слышно, как умирает чье-то терпение. Вот-вот оно издаст последний хрип.

– Ипусий слусяй! – звонко выдал паучок прямо в лицо отца. – Ипусий слусяй!

Мне казалось, что с обоев сейчас отвалятся все тараканы. Если таковые вообще есть в замке. Отпадут и перестанут подавать признаки жизни. В норках похолодеют мыши. А где-то закашляется моя персональная кукушка, отмеряющая остаток моей жизни.

Я испуганно посмотрела на отца. Признаков счастья я по-

чему-то не заметила. Восторг тоже не светился в его глазах.

Совість, которую я ласково называла «Спящая красавица», открыла глаза и осмотрелась по сторонам.

– Э... Он имел в виду «паучий случай»! – отчаянно оправдывалась я. – Очень полезное выражение для будущего монарха! Оно всегда безошибочно и емко... эм... характеризует любую политическую ситуацию! Да!

Мне почему-то казалось, что сейчас мне выдадут брусок мыла. И веревку. Но лишь банальная лень возвращаться в наш мир и искать новую Мери Поппинс со стальными нервами останавливала счастливого отца от моего убийства.

– Плохая няня, – наконец обрело дар речи его величество. – Несите следующую. Первое предупреждение. А теперь вон отсюда!

Я прижала к себе паукана, как родного и бросилась из королевских покоев. Теперь я была готова продать двадцать почек, чтобы купить машину времени. Желательно чужих.

Влетев в комнату с колыбелью, я прикрыла двери.

– Ипусий слусяй! – радовал паукадла, перебирая пушистыми лапками по моей груди. Няни нормальные люди. Просто не давайте им нянчить детей! «Поппинс» у Мери сжался и решил не разжиматься никогда.

– Ипусий слусяй!!! – слышался писклявый детский голосок.

– Скажи ... эм... папа! – предложила я.

– Ипусий слусяй!!! – отозвался паукадла, забираясь мне

на голову.

– Па-па! – ласково настаивала я, отбивая пломбированными кастаньетами похоронный марш. – Па... Па!

– Ипусий слусяй! – сообщило юное пушистое создание. Паук решил изобразить мою шапочку.

Дверь открылась так внезапно, что меня едва не сдуло. На пороге стояли хмурые мужики пропитой наружности.

– Приказ его величества. Рост какой? – спросил меня самый пропитый. Говорил он сипло и негромко. Видимо, боялся разбудить свою совесть.

– Ме-ме-метр ше-ше-шестьдесят де-де-девять, – ответила я, подозревая худшее.

– Тапки какие? – снова поинтересовался главный по глазомеру.

– Белые, как полагается, – обреченно вздохнула я, чувствуя, как на мне катается наследник.

– Бери больше, чтобы ноги помещались, – предложил заместитель главнюка.

Глава четвертая. Сказки с овсяной смазкой

Через полчаса дверь открылась. Я уже рефлекторно вздрогнула. В дверном проеме показался кокетливый уголок кровати. Молчаливые, от того и очень злые слуги красноречиво матерились, но молча.

Я чувствовала себя очень дорогой, любимой и горячо желанной женщиной. Причем в самой грубой форме. В глазах грузчиков читались такие немыслимые позы, что моя фантазия объявила себя фригидной.

– ... Левее! – с красноречивыми паузами командовал процессом главный замерщик женских прелестей. – К стене!

Кровать поставили с грохотом отборных пожеланий. Рядом с ней сиротливо приютилась тумбочка. Если все, что мне желали сквозь стиснутые зубы сбудется, то утешает лишь одно. Размножаться мне будет не суждено.

Хмурая, как недоброе утро, служанка принесла еду для меня и наследника. Здоровая пища выглядела нездорово. Попробовав ее на кончике ложки, я поняла, что это самая здоровая еда, которую я выплевывала.

Ни соли, ни сахара, ничего. Зато богата витаминами и минералами. Не уверена, что она готова ими делиться с растущим организмом, но попробовать стоит.

– Мммм! Как вкусненько! – зачерпнула я ложку и давила авторитетом.

Паукан был со мной не согласен. Видимо, у него уже был опыт. Я пыталась зажать его коленями. Ложка неумолимо приближалась к пушистому комочку.

– Кушай! – ласково произнесла я, осатанело пытаюсь засунуть ложку в чужой рот. – Ложечку за папу!

Яростная схватка продолжалась. Однажды ее увековечат на страницах истории. Битва при каше. Так и назовут. Поставят дату и заставят школяров знать ее наизусть. У меня почти получилось, как вдруг: «Ам!».

Я на секунду застыла в скромной нерешительности.

– Так, чем ты это сказал? – взволнованно напряглась я.

Это было тот самый неловкий момент, когда понимаешь, что немного перепутала отверстия. Грубо говоря, рот у шарика был абсолютно с другой стороны.

– Так, – возмутилась я, пытаюсь усадить неугомонного паукана на колени. – Ложечка за папу!

Из черного пушка на меня смотрели грустные глазки. Они убеждали меня в том, что я – живодер. Кожа на лице и волосы обещали быть мягкими и шелковистыми. По моему лицу стекала маска из здоровой пищи.

– Ложечку за королевство как его там! – требовала я, пытаюсь наугад найти то, что именуется ртом.

Один мой глаз видел плохо. В нем была каша. Каша была у меня в носу. Она свирепо сопела вместе со мной.

– А я тебе сказку расскажу, – сладко убеждала я, охотясь с ложкой на открытый рот.

В нашем мире можно было надменно заметить, что никаких игр, телевизора и мультиков, пока не съешь. А потом отойти в сторонку и смотреть, как вылизывается тарелка. То здесь угрожать отключением интернета было бесполезно.

Паукан вырвался и побежал по стене. Он засел под потолком. Чтобы я не могла до него допрыгнуть. Я чувствовала себя провожающим на вокзале.

– Ой, вкуснотиффффя! – съела я ложку, приторно улыбаясь. – Сейчас другие паучки прибегут и все съедят!

Очередь из пауков не строилась. А может, и строилась. Просто они стеснялись. В костюме «усратой» няни, я продолжала дразнить восьмипалый цирк «Дю Солей» ложкой и кашкой. Мне начала приоткрываться истина. Если бы я так вела себя со всеми мужчинами, то никогда бы не застряла в тоскливом состоянии женского одиночества.

С таким даром убеждения я бы смогла работать дипломатом, вести сложные переговоры с террористами и рекламировать на всю страну чудо хренотерку с пятью насадками и аптечкой в подарок.

– Только сегодня и только сейчас! Сама полезная каша! Одобрена папой и попой! – настаивала я, обдувая ложку. – Едите ложку и получаете в подарок сказку! Специальное предложение действует только сегодня! Если вы съедите ложку каши прямо сейчас, то в подарок вы получаете вторую

ложку! Две ложки по цене одной! Это самое выгодное предложение! Если найдете более выгодное, то мы уменьшим цену в два раза! Спешите! И станете обладателем двух... Целых двух! Ложек каши! Но это еще не все! Третья ложка каши бесплатно! Вы представляете?

Я понуро опустила тарелку, облизала ложку и чуть не выплюнула ее в стену. Мне казалось, что эта каша была у меня даже в трусах! Чулки из грязи покрылись интересным узором. А я не чаяла найти место, где можно искупаться. Но для начала нужно было уложить спать шустрого паукадлу.

Есть целая наука «Уложить ребенка спать». По сложности она намного страшнее квантовой физики. Если в квантовой физике все понятно, то здесь полный трюндец. Защитить докторскую диссертацию по этой сложнейшей науке не могут даже опытные няни и многодетные мамы. Гипотезы, формулы, теоремы разбиваются об «Я не хочу спать!». Неопытные няни начинают зевать еще на «жили-были». Оставшуюся часть сказки они рассказывают как-то так: «Катится, колобок, катится... И Эм снес колобок лисе яичко... Баба плачет, дед плачет... Хр-хр-хр...». Няни со стажем стойко доходят до середины сказки. Я слышала про няню, которая умудрялась рассказать всю сказку целиком и уснуть после слова: «Конец!», но что –то мне подсказывало, что это просто легенда.

– Давай я тебе сказочку расскажу, – улыбнулась я. Ко мне уже подкралась зевота.

Колыбель была поднята, а паучок засунут в роскошные пеленки.

– Жили – были, – зевнула я. – Дед и баба. Старенькие... И не было у них детей...

– Ипусий слусай! – воскликнул паучок.

– И вот решили они слепить себе колобка, – продолжала я, начиная клевать носом.

– Ипусий слусай! – обрадовался паукадла.

Мне казалось, что колобок – ближайший родственник льва. Он разговаривал с громким и непреодолимым зевотным рычанием. Видимо, это передалось ему по наследству от бабки с дедкой. Они разговаривали примерно так же, поэтому агрессия у них – дело семейное.

– Катится колобок, катится, – замедлялась я, сонно глядя на паучка. – А навстречу ему заяц! Заяц смотрит на колобка и говорит...

– Ипусий слусай! – вставил паукан, вызывая у меня скудную слезу умиления.

Сказка продолжалась. Любой няне в этот ответственный момент срочно нужен помощник, который будет вовремя тыкать ее палочкой. – И съела лиса колобка! Ам! И все, – обреченным голосом закончила я.

Где-то должны зашуршать аплодисменты. А ко мне, спотыкаясь о красную ковровую дорожку, должны бежать с Оскаром в руках.

– Понравилась сказка? – спросила я, качая колыбель.

В квадратных глазах паучка читалось примерно следующее: «Очень интригующая, остросюжетная и захватывающая история! Неожидаанная и непредсказуемая развязка! Постоянно держит в напряжении! Несет в себе глубинный философский смысл! Можно смело снимать сериал «Игра сусеков». На целых шесть сезонов! На главную роль обязательно позвать Джонни Деппа. Чтобы в момент ухода от очередного зверья, он пафосно говорил: «Это день вы запомните, когда чуть не поймали Капитана Колобка!». У меня даже слеза потекла от такой драмы. И моя фантазия была не готова к такому!».

– Ипусий слусяй! – резюмировал паучок, упорно не желая ложиться на бочок.

По глазам было видно, что он срочно требует колобка брата, пафос, нечисть и старое авто! И чтобы в конце каждого сезона кто-то из них продавал душу дьяволу. Исключительно с целью воскресить родственника!

Я тряхнула головой. Филин позавидовал моим зрачкам. Мне это просто почудилось. В колыбельке спал обычный ребенок.

– Фу-у-ух! – я встала с кровати и побрела в сторону коридора. Теперь осталось найти место, где можно искупаться.

Скрипнув дверью, я прикрыла ее. Длинная кишка коридора вела меня в направлении неизвестном, но интригующем. Где-то позади меня хлопнула дверь. Я ускорила. Через минуту я спускалась по темной лестнице так, словно у

меня были запасные руки и ноги.

Казалось, это не я одна быстрым шагом пересекаю тусклый холл. А за мной с топотом крадется стадо слонопотамов. С шага «я слегка опаздываю на важную встречу» я перешла на шаг «стой, последний автобус!».

Припав к черным дверям с паучьими ручками, я приоткрыла их. Сначала высунулась моя голова. Мне ее было не так жалко. Это – самый бесполезный орган, по мнению многих мужчин.

На улице было темно. Время было позднее. Где-то между «Ой, а кто это в кустах прячется!» до «Ничерта не видно!». С синего неба на меня аппетитно смотрел бледный блин луны, освещающая садовые дорожки. Под ложечкой заныло. Я еще не настолько проголодалась для вкусной и здоровой пищи.

Кусты напоминали братков из девяностых. Все как один со стрижкой «площадочка». Темные заросли изредка пестрили цветами. Я уже забыла зачем шла. Хотя, нет.

Мой взгляд придирчиво выбирал кустик. Куда сходить по нужде девушки выбирают намного тщательней, чем за кого сходить по любви. Возможно, в этом причина всех любовных разочарований.

В мою руку впился огромный комар. Мне казалось, что он сейчас жужжит: «Импортная! Заграничная!». Не хватало, чтобы он рекламировал меня другим местным комарам. Поэтому я прилепнула его, как ненужного свидетеля.

Я брела наугад, рассматривая все, что попадалось на гла-

за. Огромные пышные кусты намекали, что они опытные во всяких грязных делах. Поэтому мой выбор пал на них.

Листья возмущенно шуршали. Я занималась важным делом и высказывала свое мнение яростным сопением. И по поводу средневековых удобств, и по поводу технического прогресса, который решил сюда не заглядывать, и по поводу ситуации в целом.

Мимо меня пролетело что-то светящееся. Я подняла глаза и увидела озеро. Синяя водная гладь напоминала шелк, на котором были вышиты светящиеся лилии. Десятки светлячков летали над водой в этот удушающий жарой вечер.

Прислушавшись к тишине сада, прикинув, что места здесь нехоженые, я скинула одежду и постирала ее. Платье я повесила на кусты. А трусы на веточку дерева. Туфли, покрытые седой пылью и засохшей до трещин грязью, встали рядком на траве. Они напоминали стареньких бабушку и дедушкой. На бабушке остался бантик, а на дедушке нет.

Моя нога проверила воду. И, довольная результатом, ступила на шелковистое дно.

– Есть в графском парке черный пруд, там лилии цветут! – мурчала я, осторожно заходя в воду. Синяя магла воды всколыхнулась, пока я рассекала ее грудью.

– Невесте графа де ля Фер, – мурчала я, покрываясь мурашками. – Что там дальше? Эм... Натер в воде мочал...

Я была не уверена, есть ли вообще такое слово «мочал». Но он бы мне сейчас очень не помешал. Мокрые волосы лип-

ли к спине. Я с наслаждением раздвигала руками воду и заглядывала в кувшинки. Встав в полный рост, я сняла с обнаженной груди водоросли. Как вдруг краем глаза увидела что-то странное.

Мне показалось, или кто-то стоит возле дерева с трусами?

Я резко повернула голову и увидела знакомый силуэт. Поскольку в этом мире я знала только двоих, и один из них спал в колыбельке, меня прошиб холодный пот. Подводная лодка пошла на погружение, прикрывая руками два буйка.

– Паучий случай! – выдохнула я, понимая, что встреча не сулит ничего хорошего.

– Кто разрешал тебе купаться в этом пруду? – в голосе послышался металл.

Я уже поняла, что нарушила какой-то закон. И за красавцем не заржавеет. С минуту я смотрела на бледное лицо, которое выделялось на фоне траурных одежд.

Хозяин пруда недовольным взглядом смотрел на пантомиму русалочки. Я честно пыталась взглядом передать ему все, что о нем думаю. А так же все строительные знания по организации ванной комнаты.

– За купание в этом пруду положена казнь. Стоит тебе вылезти из воды, тебя казнят, – произнес он сексапильно хрипловатым голосом.

Я стояла в пруду, как акулой укушенная. Чувство легкого абсурда щекотало меня под водой чуть ниже спины. Казнить за купание в пруду?

– За что? – спросила я, слыша, как надо мной выются хищной стаей комары.

– За купание в пруду, – пояснил мне хозяин это лужи с кувшинками.

– Вы точно здоровы? – на всякий случай поинтересовалась я. – Просто это звучит, скорее, как шутка!

– Я абсолютно серьезен, – надменно произнес любитель грязных нянь. – После того, как ты сейчас же вылезешь, тебя казнят.

– Ква! – подтвердила маленькая, но голосистая хозяйская лягушка прямо на ухо.

– А где табличка «Купаться запрещено»? Штраф – одна голова? – спросила я, приседая на ногах. Так было теплее.

Комары раздосадовано пикировали на меня. Они лучше всех знали местные законы, поэтому покусать меня напоследок, было дело чести!

– А если я не вылезу? – спросила я, сдувая комара – камикадзе.

– Вылезай, – надменно произнес красавец. – Немедленно!

– Так меня же казнят? – пожала плечами я, сидя по шею в воде. – А смысл мне умирать раньше времени? Я лучше здесь посижу. Или поживу немного. Вы сами сказали, что казните меня, как только я вылезу?

Хозяин этой лужи чудился мне капитаном пиратского корабля. Широко расставленные ноги в сапогах, камзол и черные волосы, развевающиеся на ветру. Не хватало только

шпаги, мечты и крика: «Все на бордаж!». Мои трусы веселым Роджером развевались на ветке от каждого порыва ветра.

– Ква! – согласилась лягушка – экстрасенс.

– Не вылезу, – ответила я, отплывая подальше не всякий случай. – Если вы отрубите мне голову, мне нечего будет красить и причесывать. Жизнь потеряет смысл!

Маленькая русалочка сделала вид, что слабо знает этого жестокого и прекрасного принца.

– Это приказ! – произнес хозяин лужи. Мои влажные трусы отомстили ему, шлепнув по лицу.

– Это каприз! – ответила я, понимая, что еще слишком молода, чтобы кончать жизнь самоубийством.

У меня пронеслась дерзкая мысль, что капитан уйдет. Ему надоест и он оставит меня в покое. Лягушки- экстрасенсы поддержали меня. Но уходить хозяин и не думал.

– Если нужно, я буду стоять всю ночь, – обозначил он, пытаясь разбудить женские пошлые мечты. Пошлые мечты зевнули и снова легли спать, как только меня за щеку типнул комар.

– Хорошо, – скромно заметила я, пытаясь скрыть от лягушек – экстрасенсов отвратительные, гадкие мысли. – Тогда ждите. Я докупаюсь и вылезу казнить!

Я пошла на погружение. Волосы облепили меня гулким шлемом.

– Долго еще? – спросил хозяин, когда я в очередной раз

терла пятку на мелководе. Я даже предупредила его на всякий случай, что все еще нахожусь в воде.

– Я только начала! Девушки иногда сутками могут просидеть в ванной! – удивилась я мужской наивности, смывая размокшую грязь.

Я уже слегка подуспокоилась. Еще бы, вода теплая, комары злобные, а терпение хозяина небезграничное.

– Его кусайте, – намекала я комарам, облепившим меня.

Но комары, видимо, уже пресытились хозяином. Не удивлюсь, если услышу писк: «Фу, только не он! Мама-мама! Я не могу есть одно и тоже каждый день!».

– Злой кома-а-арик, что ж ты вье-е-ешься! Над мое-е-ею голово-о-ой! – пела я, аккомпанируя себе на мужских нервах. – Ты добы-ы-ычи не допь-е-е-ешься! Злой кома-а-арик я не твой!

– Я жду, – напомнил о предстоящей казни добрый хозяин этого бассейна.

– Я иду, – ответила я, расчесывая пальцами копну мокрых волос. – Уже скоро. Минут пять!

Женщины всегда говорят: «Еще пять минут!». Особенно, когда санузел смежный. Даже через два часа можно услышать: «Ну, дорогой, еще пять минут!». В этот момент они наслаждаются единственной возможностью полностью завладеть мужскими мыслями.

– Из далека до-о-олго! Течет река Волга-а-а! – пела я, по громкости заменяя три народных ансамбля. – В воде есть ту-

у-уалет!

– Ква! – поддакнули лягушки. Они здесь давно. Им виднее.

В глазах хозяина читался Пушкин. «Русалка на ветвях висит!», – как бы намекал его взгляд. Причем, висит при помощи макраме, несовместимого с жизнью.

– Затянуло буратиной гладь старинного пруда, – зловеще спела, выныривая, с кувшинкой на голове и сплевывая тину.

Время шло, нервы кончались. Вода, нагретая солнцем за целый день, остывала. У меня зуб на зуб не попадал.

– Что ты делаешь? – слышался голос за моей спиной. Я обернулась и ополоснула руки. Маленький ров, выкопанный моими трясущимися руками, наполнялся водой.

– Копаю, – усмехнулась я, сквозь дрожь. – До ближайшей воды.

– До ближайшей воды пятьдесят лиг, – расширил мои географические познания хозяин.

Или он привалился к дереву. Или дерево к нему. Я еще не поняла.

– Лягушек много, я настырная, – предупредила я, копая дальше.

Хотя, кого я обманываю? Шансов мало. Да, попала я, так попала! Никогда не думала, что буду всю ночь сидеть в пруду. И отрачивать жабры и хвост.

Внезапно слышался детский крик: «Иса капка ам!». Мне в лицо прилетело что-то большое, мохнатое и орущее.

Я плохо помню, что было дальше. Последнее, что я слышала: «Иса капка ам!».

Очнулась я в своей кровати. Меня даже одеялом накрыли. Волосы пахли тиной. Подушка была сырой. На груди у меня сидел пушистый паукадл: «Иса капка ам!».

Я встала, придерживая его на вытянутых руках. Ничего себе! Мебели в комнате стало в разы больше. Небольшой шкаф с одеждой и обеденный стол со стулом.

На столе что-то лежало. Я еще не поняла что, но похоже на записку.

«Если ты к полудню не выяснишь, что означает «Исакапкаам», то я выполню свое обещание!», – прочитала я. На моей голове сидел паукан.

Интересно, с чего это? Или отец решил заняться воспитанием ребенка?

Паукан легко спрыгнул с меня и бросился в коридор: «Иса капка ам!».

– Ваше высочество! Я прошу вас! Не надо! – орали голоса. – Прекратите! Вы уже тысячу раз это повторили! Ну всему же есть предел!

– Бегите, он опять со своим «исакапкаам!», – слышался топот ног. Двери закрывались с грохотом.

В воцарившейся тишине коридора послышался отчетливый горестный вздох: «Ипусий слусай!».

Глава пятая. Сказки для папы

Я честно пыталась уложить паукана спать. Паукан честно пытался уложить меня в обморок.

И тут я вспомнила про детские стишки. Под них засыпают даже самые стойкие дети. Под них засыпают даже взрослые.

– Серый волк сидит в овраге, – начала я. Я выбрала самое мощное заклинание усыпления. Оно никогда не давало сбой.

Им можно было бы усыпить даже Ктулху. Если бы тот надумал проснуться.

– Мокнут уши у бедняги, – настаивала я, зевая для рекламы.

– Вылезет – посушит, вымокшие уши, – я закрыла глаза. Сейчас сама усну!

Но паукан был стойким. Он бегал по стенам. И спать упорно не собирался. Я пыталась ему объяснить, что во взрослой жизни, такой радости у него не будет! И слово «спать» превратится в мечту.

Я была красноречива, как никогда. Смачно описывала триллер «Дом-работа». В моем голосе появились характерные завывания. Апогей ужаса все не наступал. Даже фраза «а потом ты состарился и умер» звучала как-то оптимистично.

– Ипусий слусяй! – прозвучало с потолка.

Паукан сидел на потолке. Я стояла на полу. Переговоры затягивались. Мне срочно нужно ПВО.

Я пыталась его поймать и случайно нажала на какую-то черную плитку. В стене неожиданно открылась дверь. Это была черная ванна. И прочие неудобства. Вот на кой я рисковала жизнью?

Пока я смотрела на виновника неприятностей, дверь в комнату открылась. На пороге стоял старец. Мне показалось, что он древнее моего унитаза. Хотя, унитаз готов был поспорить!

– Его величество сказал, что на вас надежды мало, – изрек старец.

Черный балахон подметал пол. Дедушка выглядел плохо. С таким лицом нельзя творить добро. Но смело можно отнимать у детей конфеты.

Хотя, сейчас такие дети пошли. Догонят и убьют.

– Я – великий магистр! – представился зловещий старец. – Светлый маг Элуард!

Если светлые маги выглядят так и говорят таким страшным голосом, то с темными лучше не встречаться!

В руках Магистра Элуарда появилась книга. Черная, старая, со сломанным переплетом. Мне показалось, что ею кого-то убили. Возможно, совсем недавно. Того, кто задавал лишние вопросы.

– Я специалист по всем древним языкам, – прищурился дед.

Мне стало стыдно. Я в совершенстве владела только говяжьим языком. У меня из него получался отличный паштет.

– Я знаю все древние наречия! – продолжал дед, листая книгу.

Моя самооценка разрыдалась. Мы с ней помнили только подлежащие и сказуемые. И склоняли врагов по падежам.

– Иса капка ам! – звонко произнес паукан.

Маг побледнел. До этого он тоже был бледным. Но не в крапинку! Узловатые пальцы листали страницы. На лице Элуарда были признаки просветления.

– Древнее кастанийское наречие! – выдал он очень умным голосом.

Я посмотрела на потолок. Просветление обошло меня стороной. Вот так всегда!

– Одну минуту! – нервничал маг. Его пальцы терзали древние страницы. – Вот! Нашел!

Я слишком молода, поэтому умереть от любопытства мне не светит. «Иса капка ам!», – произнес паукан, падая мне на голову. Мои нервные клетки уже сдались. Паучья шапка ерзала и добивала выживших.

– Иса означает смерть! – шепотом произнес дед. Он был близок к «исе». Мне так показалось.

В наступившей тишине я вздохнула. «Ипусий слусяй!», – согласился паукан. Правильно говорят. Одна голова хорошо. А две – патология.

– Капка – это мучительная! Произносится, с ударением на первый слог. Ка-а-апка!

В глазах старика промелькнула жизнь. В моих проблески

совести.

– Ам, значит, тебе! Это – древнее проклятие! Иса капка ам! – выдохнул дед. Жизнь обняла его напоследок.

– Илизит осусит имоксие уси! – произнес пушистый полиглот. А потом звонко чихнул. У него на меня аллергия? Хотелось бы.

Старик покачнулся. И рухнул, как вся экономика.

Любопытство съедало меня. Я переступила через мага. Открытая книга манила новыми знаниями. И ругательствами.

Я нашла что-то похожее на букву «и».

«Ипусислусяй. Универсальное заклинание темных магов. Использовалось для защиты от чего-то ужасного. Ипу – означает «уйди», «сислу» – немедленно, «яй» – отсюда».

Где-то в книге были еще интересные буквы. Например, буква «х».

Маг простонал. Впечатление все еще не отпускало его.

– Илизит осусит имоксие уси! – произнес паукадл. И шлепнулся на книгу.

– Дай сюда книгу! – внезапно заорал старик. Он смотрел на меня с непередаваемым ужасом.

На книгу я не претендовала. Я претендовала лишь на зарплату. Поэтому спокойно отдала ее.

– Я вынужден доложить его величеству! – испуганно бросил маг. И выбежал за дверь.

Мы вежливо проводили мага взглядом.

Мафия всегда говорила, что мокрые дела лучше делать без свидетелей. Поэтому дверь в туалет я попыталась закрыть.

И тут я выяснила одну страшную вещь.

Меня и «сходить в туалет в одиночестве» разделяют пред-
рассудки.

Я честно пыталась закрыть дверь ногой. Даже вежливо улыбалась.

Всем видом я показывала, что в этот ответственный момент женщины любят побыть одни. Это – мужчины – создания коллективные. И не против зрителей. А женщины, они другие.

Я старательно намекала, что не пытаюсь собрать ядерную бомбу. Не ем ничего вкусного. Не играю в игры. Но мне не верили. И хотели удостовериться лично.

Пушистый шарик на восьми лапках смотрел на меня странными глазиками. Он был уверен, что мне как в фигурном катании нужна поддержка.

Дети и туалет – это отдельный разговор. Дети почему-то уверены, что именно так получают сироты. Что мама Белоснежки и Золушки тоже однажды ушли в туалет. А потом появились злые мачехи и заверте...

Это на уровне первобытных чувств. Они уверены, что в этот уязвимый момент тебя унесет коршун. Коршун, размером с боинг. Схватит саблезубый тигр. И утащит в Нарнию.

Поэтому считают своим долгом караулить тебя до побед-

ного. Чтобы потом рассказать остальным о твоей грустной участи.

На тебя смотрят так, словно заранее прощаются. Как же так? Только что ты была здесь, а через минуту в туалете. И вернешься ли ты, неизвестно. Ты в любой момент можешь стать детской травмой, если просидишь там дольше пяти минут.

И сейчас на меня смотрели требовательные глазки паука. Я уже почти сняла трусы, застыв на середине бедра. Знакомить ребенка с тем местом, откуда он появился, в мои планы не входило.

– Уйдите, ваше высочество, – попросила я.

Мой голос был очень жалобным. Нужда поджимала. Паук молчал. Он впитывал полученную информацию.

– Пожа-а-алуйста, – добавила я.

Первый урок вежливости и этикета прошел мимо. Я терпеливо объясняла, что умирать не собираюсь. Что наша разлука не будет вечной. Что он даже соскучиться не успеет.

Однажды темный властелин, садист и диктатор будет рассказывать о своем трудном детстве. Он обязательно вспомнит, как няня пыталась выгнать его из туалета. У измученной жертвы будет очень заинтересованный вид.

– Ну уйди, ну позязя, – нежно произнесла я.

Моя рука деликатно пыталась закрыть дверь. Паук был не согласен. И тогда я решилась. Закрыв глазки, я уселась на черный трон.

– Ипусий слусай! – заметил паукан.

Дверь в мою комнату открылась с грохотом. На горизонте показались суровые стражники. «Вы обвиняетесь в некро-мантии!», – произнес самый страшный из них. Мне срочно понадобился некромант. Я хочу воскресить свою веру в справедливость.

Оставив паукана умирать от любопытства, я поплелась в зал. Раньше я хотела, чтобы меня окружали одни мужчины. Стража взяла меня в кольцо, исполняя мою мечту.

На троне восседал печальный красавец. Он устало подпер голову. Сказывала бессонная ночь. Рядом с ним стоял гнусный старикан. Он очень невежливо тыкал пальцем в меня.

Если бы я опоздала на пять минут, то из «подозреваемой в колдовстве» превратилась в «зло всех времен и народов».

– Что значит «Иса капка ам»? – спросило меня его величество.

Иса капка ам? Иса? Капка? Ам? Словарь детского лепета тут не поможет. Он составляется для каждого ребенка индивидуально. Дети повторяют то, что слышали.

От страха неприятностей меня вдруг осенило.

– Лиса съела колобка, – радостно выкрикнула я.

Я думала, что меня отпустят. Наивная. Теперь следствие нашло зацепку. Судьба таинственного колобка стала делом государственной важности.

Вкратце я пересказала сказку. Даже суровая стража пригорюнилась. Видимо, вспомнила погибших товарищей. Маг

молчал. И смотрел на меня сочувственно.

– Дед с бабой любили друг друга? – внезапно спросил роковой в моей жизни красавец.

В такие подробности я не вникала.

– Видимо, недостаточно сильно. Раз пришлось лепить коlobка, – пожала плечами я.

– Это хорошо. Хочу тебя предупредить, – холодно произнес красавец. – Каждую сказку пишешь и приносишь ко мне на утверждение.

– Я поняла, – согласилась я.

Публика, собравшаяся в зале, была глубоко разочарована. Ни ведьмы. Ни казни. Ничего. Какой скучный день.

Я поплелась обратно. Придется умереть от чего-нибудь другого. Чтобы не разочаровывать публику.

Два часа подряд я писала сказку про Золушку. Я старательно подбирала слова. Паукан спал у меня на голове.

Сказка закончилась. Паукан храпел. По-детски так, но с претензией на трактор. Потенциал храпа еще развивать и развивать. Сначала до опустевшего дворца. Потом до ближайших городов.

Я свернула уши в трубочку. И листочек со сказкой. Ничего, подпадающего под уголовное преследование, в сказке обнаружено не было.

Сняв паучью шапочку, я уложила ее в колыбельку. Паукан поворочался и превратился в ребенка. Я понервничала и превратилась в параноика. Я тоже немного оборотень.

Еще бы! Сегодня погибло столько нервных клеток. По ощущениям – дивизия!

В каждой маме или няне живет партизан. Он умеет ходить бесшумно. Бесшумно стирать. Бесшумно рубить мясо. Бесшумно смотреть телевизор. Бесшумно забивать тапкой таракана. В режиме «без звука» мама умеет делать эпиляцию. И отбивать замерзшие котлеты от стада других котлет.

Я выдохнула и стала отступать. Так отступают партизаны. В абсолютной тишине. Ни шелеста. Ни звука.

Рука легла на дверь. Двери любят скрипеть в неподходящий момент. Им это доставляет удовольствие. Она может не скрипеть годами. Но в нужный момент заскрипят так, словно кого-то изнасиловали, убили, а теперь едят.

Но опытная няня уже знает эту подлую дверную особенность. Поэтому открывает ее по миллиметру. Тело напряжено. Взгляд ищет сволочную громкую муху.

Я выдохнула и закрыла двери. Вооружившись сопливыми девичьими мечтами, я шла покорять сердце критика.

Осторожный стук в чужие покои намекал на то, что сказка уже готова.

– Войди, – пригласили меня.

Хозяин сидел в кресле. Кучка красоты смотрела на меня равнодушным взглядом.

– Читай, – приказал его величество.

Когда мне это говорил Дед Мороз, я лезла на табуретку. Мне за это давали конфету. Потом Дедушка Мороз понял,

что с конфетами перегнул. Табуретка начала стонать подо мной. И я стала читать с пола.

Я прокашлялась. Одернулась. Расправила плечи. И начала.

– Так, мать сразу вычеркивай, – произнесло его величество, глядя в свой наполненный до краев бокал. – У нее сразу не было матери!

– Хорошо! Родилась у отца Золушка, – прочитала я. От героизма мужика я чуть не прослезилась.

А потом подняла глаза. На меня смотрел суровый критик.

– С другой стороны, логично. Теперь есть объяснение, почему у нее все через задницу! – вздохнула я, исправляя вариант.

– Нет, – отрезал критик полет моей фантазии.

– Нашли Золушку в тыквах! – предложила я достойный вариант. – И отец больше в эти тыквы никогда ни ходил. Поэтому Золушка была единственным ребенком.

– Молодец, – похвалили меня кивком.

Я продолжала. Сказка начинала меня пугать.

– Так, у мачехи не было дочерей! – резко произнес «критик». – Заменяй. Какие –нибудь животные.

– Котики? – спросила я, почесавшись пером. Вариант одобрили.

– Зачем котикам на бал к принцу? – внезапно спросило его величество.

– Эм... – напряглась юная сказочница. – Они никогда не

гадили в ботинки принца? А очень хотелось! Может, это мечта всей жизни?

– Оставляй! – кивнул критик. Его губы прикоснулись к вину.

Мое сердце в этот момент сладенько защемило. Не может мужчина быть таким красивым. Так вот кому природа отдала мои пушистые ресницы, мои густые брови, мои пышные волосы. И вот кого она решила подарить мне прыщи и шесть лишних сантиметра на талии.

– Вычеркивай! – внезапно отрезал отец. – В сказках не должно быть любви.

– А почему?– наивно спросила я.

– Потому что я так сказал. Слишком много розовых соплей, – пояснили мне.

– Золушка что? Тоже хотела на бал, чтобы нагадить принцу в тапки? Может, в душу? Может, это он был виновником того, что она стала нищей Золушкой? – предложила я.

– Хороший вариант. Оставляем! – меня побаловали благосклонностью.

Я добралась до конца.

– Нет, – в голосе его величества послышалась твердость. – Принц ее никогда не нашел. Золушка отравила мачеху. И все жили долго и счастливо!

– А в тувфельку нагадили коты! – исправляла я на столике. – В итоге все закончилось хорошо!

Я смотрела на красавца. Он смотрел на меня.

Я – профессиональная няня. А профессиональная няня знает простое правило. Никогда не противоречить воспитанию. В семье веганов я смотрю Чипполино, жую капусту и ругаю трупоедов. Лишь урчание живота выдает тягу к котлетам.

Лицо его величества почему-то помрачнело. Он смотрел на бокал и молчал.

– Я так понимаю, что у вас что-то случилось. Это не мое дело, я знаю, – осторожно начала я.

На меня подняли взгляд.

– И я ни коим образом не хочу вмешиваться в воспитание, – добавила я. Выражение глаз не предвещало ничего хорошего.

– Но, может быть, ребенку лучше знать правду? – шепотом закончила я. – Ему так проще будет. Я уверена.

Красивые глаза опустились вниз. На губах дрогнула улыбка. Рука сжала бокал так, что он лопнул. Алое вино потекло по руке. Крупными каплями оно упало на пол. Ножка бокала звякнула об пол.

– Вон, – послышался шепот. – Вон отсюда. Делай то, что тебе сказано. Ты для него никто.

– Это вы для него с каждым днем становитесь никем, – ответила я. И испугалась своих слов. Но это была правда!

Глава шестая. Мамонт

Я смотрела на его величество. И прижимала к груди испуганную сказку.

Он медленно встал со своего кресла. Почему-то мне казалось, что ему очень не хотелось это делать.

В этот момент невидимый оркестр быстро проиграл в голове похоронный марш. Ободрил меня, так сказать! Мои зубы отбили чечетку. Танцующие ребята понесли мой гробик в сторону пламенного заката. Жаль, на моей безвременной могилке некому будет поливать слезами цветы. И удобрять соплями.

Чем ближе его величество приближалось ко мне, тем меньше я понимала, что можно от него ожидать! Я не сильно умею читать по глазам. В основном я привыкла читать по губам. Но красивые губы были сомкнуты в одну линию.

Брови сошлись на переносице. Наверное, он был бы ослепительно красив, если бы улыбнулся. Хоть раз. По-настоящему. Но что-то мне подсказывало, это случится уже после моей безвременной кончины. Однажды, когда я этого не увижу.

Я – девушка не из робкого десятка. Скорее, из пугливой сотни. Или опасливой тысячи. Мысли смешались в голове.

Вблизи он выглядел еще красивее, чем издали. Что обычно мужчинам не свойственно.

На всякий случай я заглянула ему за спину. Где-то в комнате затаился фотошоп. Других объяснений красоте у меня нет!

Мне казалось, что его уже полюбили все красавицы этого мира. И не красавицы тоже. Если мерить любовь, то только очередями. И я стою последней с табличкой: «Кончился мужик».

О чем я только думаю! Ко мне писец крадется семимильными шагами! А я думаю про красоту мужика, который вот – вот задушит меня голыми руками. Наверное...

Опустив глаза, я честно пыталась насладиться последними секундами своей жизни.

Пока ничего не происходило. Я на всякий случай подняла глаза. Видимо, в них был всего один вопрос: «Когда пойдем казнить?».

Взгляд, который смотрел на меня, был странным. Рассеянным. Как-будто, он смотрит на меня и думает о чем-то своем. Я впервые видела такие глаза.

– Кто ты такая, чтобы давать мне ценные указания? – слышался голос. Я почему-то не могла отвести взгляд. И смотрела прямо в черноту его жгучих глаз. Видимо, так умирают суслики после слов: «Привет, змейка!».

– Извините, – прошептала я. Мама всегда говорила, что вежливые люди живут дольше. Видимо, мама чего-то не знала про человеков-пауков.

– За что? – спокойно и равнодушно спросило его величе-

ство.

– За то, что не стала лицемерить, – пожала плечами я. – Ребенку нужен отец. Пример. Вы ни разу не брали его на руки. При мне точно. А ему это нужно...

Я поднесла руку к шее. Мне казалось, что так проще будет спрятать ком в горле.

– Тебе придется смириться с тем, что я – отвратительный отец, – послышался голос. Судя по интонациям, где-то обещали заморозки.

– Иначе тебя бы здесь не было, – произнесло его величество. – Еще одно правило. Чем меньше вы попадаетесь мне на глаза, тем лучше.

– «Вы» – это я и ваш сын? – спросила я, сглатывая.

– Теперь да, – послышался ответ. – Ты и наследник. Ни тебя, ни его я видеть не желаю. Когда я захочу видеть вас, вам сообщат.

– Чем же мы так провинились? – вздохнула я. – Ладно, я! А он?

– Ты слишком много разговариваешь, для няни, – услышала я ответ. – И слишком много думаешь, для женщины.

Из моей дрожащей руки вылетели листики со сказкой. Я присела и стала нервно собирать их. Ничего не понимаю! Так, вот еще один листик. Его сюда. Этот листик сюда. Это начало сказки. А где конец, который он правил?

– А где ваш конец? – спросила и подняла глаза. Мой взгляд уперся в черный бархат штанов. Аккурат в нужное место.

– Я ... не вижу... вашего... к-к-конца, – пронесло меня по рельсам заготовленной фразы.

В каждой женщине живут две противоположности. Скромность и любопытство.

Скромность требует опустить глаза. Любопытство – оценить все по шкале: «угрожающе стучать по спичечному коробку» до «сломать стол одним ударом!». Но во мне победила дружба.

Мои глаза забегали. Я покраснела, как школьница, у которой на уроке физкультуры треснули штаны. В душе тут же проснулся парикмахер. Поэтому я просто нервно поправляла волосы. Уже раз двадцатый. Одну и ту же прядь. За ухо.

Мне протянули листок. Я дрожащей рукой взяла его и ... Не знаю, как так получилось, но соприкоснулась с его рукой. К моим щекам прилила свежая порция краски.

Пару секунд я пыталась отобрать листок. Если бы я так отбирала зарплату, то умерла от голода. Его удивленные глаза опустились на наши пальцы.

– Вон отсюда, – послышался голос.

Мне очень хотелось сказать что-то умное.

– Паучий случай, – икнула я, напирая на дверь.

Дойдя до комнаты, я юркнула в дверь и тихо сползла по ней. Все в порядке! Это просто потому, что он красивый. До этого красивых мужиков я видела только в магазине. На полочке мужских товаров. И в рекламе. Такое чувство, что где-то есть заповедник. Там красивые мужики сбиваются в

стаи. По ограждению пущен ток. На ограждении висят обугленные трупы одиноких и отчаянных женщин. И раз в день в заповедник приезжает машина. Отлавливает пару особей для рекламы. А вечером снова выпускает на волю.

– Мама дорогая, – в сердцах едва слышным шепотом выдохнула я. Мои руки прижимались к пылающим щекам.

– Ма! – послышалось звонкое и радостное. Паукан, который до этого как бы спал, уже скакал мне навстречу.

– Ма-а! – радовался он.

Вот так всегда! Можно орать сколько влезет «Иди кушать!». Рядом с ухом! Три раза охрипнуть. Один раз осипнуть. Похоронить кучу нервов. И понять, что с таким же успехом могла наорать на любую стенку.

Но стоит произнести на другом конце мира. Шепотом. Неразборчиво. Себе под нос: «Печеньки!». Как тебя найдут в аду. Вытащат из могилы. Растолкают. Распинают. И спросят: «Где?!?!».

– Мама! – радости были полная пушистая попа.

В этот момент я многое поняла. Оказывается, по образованию я – труп! И работать по специальности я буду очень скоро!

–Ма-ма! –громко, звонко и так радостно выдал Паукадл.

Мне срочно хотелось найти пульт, чтобы убавить на нем громкость.

Вот так всегда. Тебе порвали колготы, обрызгали из лужи, на голову насрал голубь? Твоя единственная мысль – нико-

го из знакомых не встретить? Ты пробираешься домой, как партизан? Петляешь дворами, прячешься, как чемпион мира по пряткам? И тут на тебе! Бывший с нынешней, успешная одноклассница, Людочка дочь маминой подруги, тетя Зоя – главная сплетница, журналисты, Годзилла, пришельцы, мужчина твоей мечты.

Они все, как чувствовали. И не зря в этот момент в дверь постучали. Я схватила паукана и зажала то, что предположительно являлось ртом.

На стол прозвенел поднос с кашей. Служанка с любопытством осмотрелась. И направилась к двери. Она вышла за двери. Я выдохнула и отпустила паукана.

Через минуту дверь резко открылась: «Простите, я забыла ложечки». В этот момент паукан не стерпел. Показать свою эрудицию было для него делом чести.

– Мама! – заорал он. Ложечки медленно легли на столик. Служанка смотрела на меня хитрым взглядом. «Я знаю, что ты сделала прошлым летом!», – читалось в ее коварных глазах.

Мне хотелось ее убить. А труп спрятать под кроватью. Но у меня не было опыта убийства. Смущала неопытность. И пример, который я подаю наследнику.

Служанка медленно и чинно вышла за порог. Стоило двери закрыться, как в коридоре послышалось: «Тышь-дышь-дышь!». «Ваше величество!», – оповестил голос вдалеке.

Паукан сидел у меня на подушке.

– Мама? – спросил будущий виновник моей преждевременной.

У меня было ровно минуты три, чтобы выкрутиться. Глаза бегали по комнате.

Мне хотелось как в детстве. Спрятался, а неприятности ходят и плачут: «Вылезай! Я не могу тебя найти! Я хочу пить и домой!»

А что если мы занимаемся буквами? Вот такое непроизвольное ранее развитие! А что? Чем раньше начнем, тем лучше для наследника!

Дрожащая рука схватила перо, нарисовала большую букву «А» на весь лист. «Аист», – написала я. Моя рука штамповала кривой алфавит. «М» – мамонт. Дальше можно не пробовать.

Дверь открылась. Я сидела на кровати со стопкой букв. Паукадл сидел передо мной.

– М – мамонт! – громко произнесла я. В моих руках мелькнула бумажка. – Давай повторим сначала!

– Мама! – выдал паукан. Я робко подняла глаза и улыбнулась.

– Ма-монт! – поправила я.

– Маман, – выдал паукан к моему облегчению.

– Ма-монт! – еще раз повторила я.

– Ипусий слусай! – вздохнул паукан и стек с кровати. Он недоверчиво подошел к отцу. Тот не обратил на него внимания. Маленькая пушистая лапка потянулась в сторону блед-

ной руки. Но рука украдкой отодвинулась. Король не удостоил сына даже взглядом.

Мне показалось, что он нарочно отводил глаза.

– Возьми его на руки, – потребовало его величество. Я подбежала к паукану, схватила его на руки. И снова это чувство. Как будто меня нежно закутывают в одеяло. И бархатистый голос шепчет на ушко сладкие непристойности.

– Почему у меня складывается впечатление, что нянька нужна няньке? – прихлопнули меня вопросом.

– А что не так? – пожала я плечами. – Мы учим буквы.

– Что это за слово такое? «Мамонт»? – произнесло его величество. Он смотрел на меня равнодушным взглядом. Где-то палач уже проверял острие топора.

– Мамонт? Это в нашем мире ... эм... – замялась я. Зачем наследнику толстенький волосатый вымерший слон, я не успела придумать.

– Я жду, – на меня смотрели черные глаза.

– Мамонт – это няня... В переводе с древнего интернетовского языка, – соврала я. Ложь мне понравилась.

– Значит, мамонт – это няня? – повторил отец. – Ну что, мамонт, будем проверять? Мага сюда! Живо!

Служанка покорно метнулась за двери. «Мамонт» резко оказался на грани вымирания.

– Скажи мне, неужели я плохо с тобой обращаюсь? А, мамонт? – послышался вопрос. «Мамонт» сделал вид, что в тундре.

– А почему он редко превращается в ребенка? – спросила я. Предательский румянец щедро заливал мои щеки.

Мой вопрос так и остался без ответа. Зато его величество взяло мой «алфавит».

– Плохо, что ты не знаешь половины букв. После буквы «м» есть еще буквы. «А» -это что? – мне ткнули бумагой.

– Аист? – захлопала ресницами я. Мне срочно нужен грузовой аист. Пусть он унесет меня отсюда!

– Неправильный ответ. А – автократия, – отрезало его величество.

– Мне кажется, что это не совсем понятно, – замялась я.

– Люди тоже не понимают, что значит безграничная власть жестокого тоталитарного режима, – ответило его величество. – «Б» у нас что?

– Бал! – решила подыграть я.

– Рано ему еще о балах думать. Б – это богатство, – произнес отец. Он бросил на пол очередной листок. – «В» у нас что?

– Власть! – ответила я. Мой взгляд тревожно посматривал в сторону двери. – Г – государство, д – деньги, е ...

– Еретики, – предложили мне вариант. Я старательно записывала.

– А «Ё»? – спросила я, поглаживая паучка.

– Ёжик, – строго произнес отец.

Вот так среди власти, денег и богатства затесался обычный ёжик. И я бы с ним с удовольствием поменялась!

– Маг отъехал, – послышался скрип двери и голос служанки. – Будет вечером!

– Вечером и разберемся, – мне вернули листы и покинули комнату. – Учи буквы, мамонт.

По хлопку двери, я поняла. Мне здесь не рады. Если я до вечера ничего не придумаю, то игра в «жмурки» превратиться в «игру в жмурика».

Я решила немного посражаться за свою жизнь. В этом гостеприимном мире многие так делают.

Каша и Золушка сразили принца наповал. Он храпел на моей подушке и подергивал во сне третьей и седьмой лапками.

Включив режим вражеского шпиона, я выскользнула за двери. Мрачноватые коридорчики намекали на неприятности. Топографический кретинизм помогал им, чем мог. Заблудиться я могла в трех соснах. Я себя знаю. Но на этот раз я заблудилась очень удачно.

– Великий маг, мыслитель, мудрец, философ Элуард, – прочитала я золотую надпись на роскошной двери. – Трепещи невежда перед знаниями!

Я потрепетала ради приличия секунды три. А потом проверила двери. Двери были открытыми! Вот удача! В комнате Элуарда царили роскошь и хаос. Причем одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.